

Сергей КУДРЯВЦЕВ

МАЭСТРО

Итальянский композитор Эннио Морриконе неожиданно вошел в моду. Но неожиданно лишь то, что это произошло только теперь. На счету маэстро бесчисленное количество партитур к фильмам. Называются разные цифры — двести, триста, четыреста... Ведь Морриконе уже давно работает не только в итальянском, но и во французском и американском кино, пишет музыку к различным телефильмам и сериалам. Щемяще-возвышенная мелодия из «Профессионала» Жоржа Лотнера покорила меня, буквально перевернула душу в 1983 году, на Московском кинофестивале, где этот иронический боевик с Жан-Полем Бельмондо в главной роли показывался вне конкурса. Не забуду и свое ощущение, близкое к эмоциональному шоку, охватившее меня в двух сценах из «Двадцатого века» Бернардо Бертолуччи, впервые увиденного на фестивале 1977 года. В одной из них композитор и режиссер мастерски используют тему из «Риголетто» Джузеппе Верди, чтобы потрясти сообщением о смерти последнего из тиранов XIX века. А в другом эпизоде деревенские жители танцуют посреди редко стоящих деревьев в долине реки По — незатейливый мотив сельского веселья воспринимается почти как высшее откровение жизни, проявление удивительной поэзии, скрытой во всем сущем.

Уникальность работы в кино Морриконе и заключается в том, что, сочинив невероятное число музыкальных тем, этот композитор остается непревзойденным мелодистом, придумывающим для каждой ленты непохожую музыку — по тональности, регистру, инструменталке. Эннио Морриконе щедро использует народные инструменты, можно сказать, всех стран и континентов — от Мексики до Румынии (особо показательна его совместная работа с Пьером Паоло Пазолини, всегда любившим смешивать в музыкально-звуковом ряду мелодику совершенно непохожих культур).

Будучи приверженцем классического оркестрового звучания (Морриконе успевает в большинстве случаев быть и дирижером своих кинокомпозиций), он без особых усилий может прибегнуть к помощи губной гармошки, сочинив настоящую партитуру для этого немудреного инструмента. Не случайно в немецком кинопрокате вестерн «Однажды на Диком Западе», возможно, лучший

в творчестве Серджо Леоне и причисленный даже американцами к классике этого жанра, назывался «Сыграй мне мелодию смерти». Основная сцена тревожного ожидания поезда на заброшенной станции сопровождалась своеобразным реквиемом, сыгранным на губной гармошке.

Мелодии Эннио Морриконе впечатываются в мозг — но не как надоедливые шлягеры, которые автоматически твердишь и не можешь от них отвязаться. Композитор способен выразить наиболее важную мысль всего киноповествования в емкой и нередко эффектной форме музыкального языка. Нервная, как бы развинченная, но еще сохраняющая впечатление все подавляющей машинерии — конечно же, это музыка из «Следствия по делу гражданина вне всяких подозрений», которая действует как удар пощечины, как хлесткая цитата из Франца Кафки.

Ощущение тревоги, мистичности происходящего гораздо точнее выражено в американской фантастической ленте «Нечто» вовсе не в наворотах действия, а в непреклонном ритме электронной музыки, давящей на психику сильнее изображаемых ужасов. Одно из немногих обращений Эннио Морриконе к эстетике «фьюжн», во-первых, оказывается образцом для подражания для многих других творцов «страшной музыки», включая и режиссера Джона Карпентера, который не раз выступал в своих фильмах и как композитор. А во-вторых, что важнее, итальянский композитор превращает ритм, как основополагающую составную рок-музыки, в смысловой элемент философского плана (пожалуй, только «Пинк Флойд» владеет секретом «тотальной электронной музыки»). Печальная мелодия прорывается сквозь электронную аранжировку — будто человеческая душа пытается сбросить с себя оболочку Нечто, словно все человечество стремится выжить в борьбе с внеземной материей. Музыка Морриконе призывает не обольщаться внешне благополучным финалом. Не находится ли Нечто внутри нас?!

Интересно, как много лет спустя, будучи приглашенным тоже американским режиссером Майком Николсом для создания музыки еще к одной мистической картине, «Волк», Эннио Морриконе, напротив, совсем отказывается от нагнетания страха — лирическая мелодия зву-

чит скупой и почти неслышно. Но именно композитор точно понимает замысел, по сути, любовной истории мужчины и молодой женщины, которые готовы воссоединиться в волчьей жизни, лишь бы не оставаться среди более хищных натур в человеческом обществе.

Морриконе следовало бы назвать одним из самых проникновеннейших лириков, который великолепно чувствует неизбывную человеческую тоску по нежности и сердечности бытия. Откуда в фильмах о наемных убийцах («Профессионал») и гангстерах («Однажды в Америке») такая неведомая грусть о несбывшемся, такая сладостная мечта о неосуществимом? Музыка придает четвертое измерение, позволяя воспарить в поэтические дали, в мир идеальных сущностей. Герой Роберта Де Ниро в трагической фреске Серджо Леоне находит забвение в опиумных заведениях китайцев. Но, благодаря в том числе и композиторскому дару Эннио Морриконе, этот заблудший преступник кажется нам ничуть не хуже, например, охваченного миссионерским порывом другого персонажа Де Ниро — уже в «Миссии» Роланда Жоффе, в которой музыкальные композиции Морриконе становятся особенно трагически-возвышенными, исполненными духовного и богоискательского начала. Кстати, за музыку к этой ленте он выдвигался на соискание премии «Оскар» — но, как и в случае с подобными номинациями за работу над картинами «Дни Жатвы» Терренса Малика (еще одно эпическое кинопроизведение, полное библейских аллюзий, и композитору пришлось как бы озвучить трубный глас, возвещающий о Судном Дне), «Неприкасаемые» Брайана Де Пальмы и «Багси» Бэрри Левинсона, Эннио Морриконе так и не получил приза Американской академии киноискусства. А жаль!

Он неподражаемо, непостижимо разносторонен, сотрудничая в работе над лентами самых разных жанров с режиссерами различного — порой несопоставимого — художественного уровня. Морриконе можно было бы обвинить во всеядности и своеобразном композиторском графоманстве, если бы он не был профессионалом высочайшего класса, истинным художником, который охвачен жаждой творчества. Немало картин канули в никуда — но осталась музыка, которая существует уже самостоятельно, тиражируемая на аудиокассетах и улаждающая слух многих поклонников. Они, наверное, даже не подозревают, что эти мелодии были написаны по конкретному поводу, для определенного фильма. Но ведь нас мало интересует тот факт, что Моцарт сочинял свои воздушные симфонии, серенады, оперы и марши по заказу австрийского императора. Между прочим, если уж возникла такая аналогия, Эннио Морриконе по музыкальному складу и обилию творений вполне можно причислить к композиторам с моцартовским вдохновением.

В ноябре ему исполнится уже шестьдесят семь лет. А в возрасте Моцарта он только-только прославился и последующие тридцать лет как бы наверстывал упущенное. Но, судя по всему, Морриконе намерен жить в искусстве по-вердиевски или по-тициановски долго. Впрочем, уже сейчас нет никакого сомнения, что его музыка переживет маэстро. Но главное заключается в том, чтобы, бесконечно прокручивая его мелодии, помнили об их авторе — Эннио Морриконе. Обидно, что в качестве подтверждения я не могу дать прослушать одну из его композиций. Однако напрягите память, напойте знакомый мотив, уже растворившийся в суете нашей жизни и словно принадлежащий ей самой. Это он, Морриконе!